

Набока Анастасия – «Долгая ночь»

Человек стоял вдалеке и смотрел на них – маленькая бледная фигура на белоснежном фоне. Он смотрел прямо и спокойно, как взирает грозная сова на крохотную одинокую мышку. Когда грянул гром, и мама упала на снег, он не двинулся. Ни гнева, ни злобы, ни голода, ни торжества – ничего этого не было. Он не бросился к добыче, как делают хищники, и не стал ходить кругами, выжидая момента, как падальщики. Он просто стоял и смотрел, смотрел вдоль черной палки, которая изрыгала гром и огонь. Смотрел на маленького медвежонка, который не успел понять, что в одно мгновение остался один посреди отверженной ледяной пустоши – и один во всем мире.

На миг, когда раздался гром, его дыхание прервалось, словно время остановилось. А затем он услышал – нет, *почувствовал*, – как мама упала. Сковавший его страх был слишком велик, чтобы отвести глаза от бледной фигуры, но боковым зрением он заметил черный нос мамы и алую кровь, быстро плавающую снег. Горячий запах ударил в ноздри, и тело медвежонка содрогнулось. Он не успел осознать, что именно произошло, но инстинкты сказали достаточно. Как только оцепенение спало, он бросился бежать, бежать прочь, как можно дальше, не останавливаясь, без оглядки, прочь от бледного чудовища и его проклятого грома.

Он бежал, задыхаясь, жадно хватая ртом ледяной воздух, но запах, этот красный запах все никак не отставал, и перед глазами вспышками мелькало: бледная фигура, облако пламени, алое пятно, что плавит снег. Из глаз и носа текло. Он начинал осознавать. Он хотел закричать, но не мог – не хватало воздуха, не хватало сил. И он продолжал бежать, не глядя ни вперед, ни под ноги, желая лишь закрыть глаза и проснуться в берлоге, чтобы сказать маме про бледную тварь, скрывшуюся в сугробах, чтобы сбежать вместе с ней как можно дальше, – продолжал бежать, пока все лапы не свело судорогой, и, наконец, упал. Упал, зарывшись носом в снег, и закрыл глаза. Тихий стон отчаяния никто не услышал. Горячие слезы прожигали неровные ямки в снегу и застывали. Он тоже хотел застыть.

Скоро подул ветер с запада, потащил снег. Медвежонок закрыл голову лапками, и наступила темнота.

Какое-то время спустя совсем рядом захлопали крылья. Черные когти-крюки коснулись твердого снега совсем рядом с небольшим холмиком, и большое крыло ударило по его хрупкой корке. Медвежонок медленно открыл глаза. Попробовал пошевелиться – не смог. Слишком замерз. Крыло ударило снова, затем еще раз, и еще. Корка стала трескаться. Птица начала скрести. Совсем скоро показались огромные грозные когти, острый клюв и

яркие глаза с крохотными точками-зрачками. На секунду медвежонок испугался, ведь огромная сова пришла явно за обедом, но затем подумал: что же тут плохого? И страх ушел. Он расслабился. У его мамы когти были больше.

Докопавшись до мордочки медвежонка, сова остановилась. Он лежал неподвижно, даже его дыхание было тяжело заметить. Какое-то время сова смотрела на него то ли с удивлением, то ли с непониманием, а медвежонок молча ждал, когда она приступит к трапезе, и не открывал глаз. Затем острый клюв впился ему в загривок, и сова потащила. Медвежонок оказался тяжелее, чем ей показалось, и не сдвинулся с места. Тогда сова впились в его плотную шкуру покрепче и стала хлопать крыльями изо всех сил, поднимая снег. Медвежонок не сопротивлялся, и в какой-то момент сова смогла-таки чуть-чуть его сдвинуть. Почувствовав это, она принялась бить крыльями еще сильнее, с таким остервенением, словно хотела утащить его в небеса. И тогда медвежонок, наконец, понял: сова не хотела его съесть, она хотела помочь. По его белой, покрытой льдом и снегом мордочке стекла еще одна горячая слеза. И медвежонок стал подниматься. Лапы отказывались слушаться, сгибались, но сова продолжала тянуть, и скоро он встал.

Усталая сова грохнулась рядом и уставилась на медвежонка. Взгляд ее говорил многое, но понял он мало. Утер морду, как смог, и осторожно боднул сову в бок. Та шатнулась и недовольно ухнула.

Солнце приближалось к черной линии горизонта. Медвежонок боялся темноты. Ну, то есть на самом деле, конечно, не боялся – он же белый медведь, грозный и могучий хищник, он ничего не боялся. Просто опасался. Он никогда не был в темноте один. До сих пор. От мысли о том, что сова вот-вот вспорхнет, и он останется один посреди ледяной пустоши под покровом ночи, по телу пробежала дрожь. И сова, словно услышав это, тут же взлетела.

Медвежонок в ужасе подпрыгнул, потянулся за ней, с беспомощным стоном задрал мордочку к небу. Но сова не собиралась бросать его. Она сделала круг прямо над его головой и указала клювом куда-то в сторону – туда, куда следовало идти. Медвежонок все понял и затопал на восток, следом за новым другом.

К наступлению темноты они добрались до небольшого поселения человека. Медвежонок не хотел идти туда, но спокойствие и уверенность совы убедили его. Птица показала ему безопасный путь мимо сонных собак к железным коробкам, где валялось всякое пахучее. Там он нашел немного странного мяса и что-то непонятное, но вполне

съедобное. Сама сова не стала есть, но посидела рядом, отчего медвежонку, кажется, сделалось даже теплее.

Потом сова нашла ему укромное местечко среди непонятных деревяшек, где можно было переночевать. Она забралась в темный угол вместе с медвежонком и позволила прижаться к себе – только так он перестал дрожать и смог уснуть.

Через час или два сова осторожно выбралась из крепких объятий медвежонка и неслышно взлетела. Где-то к югу отсюда ее ждали маленькие птенцы, и она не могла остаться с медвежонком надолго, как не могла и объяснить ему этого. Она обернулась, разглядывая уменьшающееся белое пятно среди хлама у полярной станции и с трудом сдерживая слезы. Она была уверена: с медвежонком все будет хорошо. Сова знала местных людей – они не убивали ради удовольствия, хоть и носили ружья. Они не бросят сироту.

Медвежонок проснулся на рассвете. Совы рядом не было, только ветер лениво трепетал странную шуршащую штуку среди деревяшек. Медвежонок еще не совсем проснулся, и страх не успел взять под контроль его детский разум. Вчерашние события слегка отодвинулись в памяти, словно сделались размытыми, не совсем настоящими. Сейчас по-настоящему его интересовало лишь одно – еда.

Медвежонок осторожно выбрался из ящика и побрел к тому месту, где ел вчера. Ветер дул с правильной стороны, так что собаки его не учуяли. Сегодня среди мусора и объедков ему удалось отыскать настоящее сокровище – банку из-под стущенки. Запах был просто чудесный.

Недолго думая, медвежонок сунул нос в банку и стал слизывать остатки сладости со стенок и дна. Но стоило случайно дернуть мордой, как острые края врезались в кожу. От страха и неожиданности медвежонок рванулся бежать и ударился о мусорные ящики. Псы тут же подняли лай. Где-то позади хлопнула дверь, послышались людские голоса.

Ужас охватил медвежонка. В панике он хотел было броситься наутек, как вчера, позабыв обо всем на свете. Но дурацкая банка так больно врезалась в нос, что он не удержался и попробовал снять ее лапой – сделал только хуже. А когда развернулся, чтобы бежать, люди уже приближались к нему. Двое, большие и совсем не бледные. Один – с громовой палкой в руках.

Медвежонок забился промеж мусорных ящиков. Все его нутро сжалось, дыхание перехватило, а сердце колотилось с такой силой, что, кажется, было готово вырваться наружу. Испуганный взгляд маленьких темных глаз перескакивал с одного человека на

другого, ища знакомые черты, но все никак не находил. Они приближались медленно, осторожно, и смотрели на него неотрывно. Медвежонок не выдержал и закрыл глаза – но совсем не как вчера, под слоем твердого снега. Сейчас он хотел жить.

Несколько секунд не происходило ничего, только осторожные шаги людей делались ближе. А потом банка, эта проклятая ловушка с острыми краями, вдруг слезла с его носа.

Медвежонок медленно открыл глаза. Оба человека сидели рядом с ним, а громовая палка лежала в стороне. И глядели они совсем не как хищники и даже не как падальщики.

Один из людей, с мохнатой мордой, медленно поднял руку и протянул к медвежонку. Тот непроизвольно сжался и прищурился. Но когда теплая и мягкая ладонь легонько коснулась его мордочки и нежно провела по шерсти, ему стало спокойнее. Медвежонок еще раз взглянул на лица людей и вдруг заметил в них что-то знакомое – что-то в их глазах, что уже видел прежде в глазах мамы, и в глазах совы тоже. Что-то, чего он пока не мог понять, но что отлично чувствовал. Не все люди были чудовищами.

Медвежонок закрыл глаза, позволяя теплым рукам гладить его, и страх быстро рассеялся. Боль отступила, и словно долгая ночь завершилась.